

Повелитель Ада Десяти Холодов, нежный Бай Цзэ (актив) х избранный Небесами боевой маньяк, красный лотос (пассив).

Тао Шаньцзэ, больной раком на терминальной стадии, в новогоднюю ночь загадал два желания: первое — чтобы оставшаяся ему жизнь была согрета любовью, второе — найти для своего кота хорошие руки. В ту же ночь Тао Шаньцзэ заполнил анкету опросника и словно под воздействием злых чар указал там своё настоящее имя. После этого созвездия перевернулись, и он попал в мир «Станных историй из кабинета неудачника», где ему предстояло проживать одну за другой кошмарные ночи и заодно готовить еду для могущественного владыки. Пытаясь отыскать разбросанные по всему миру книжные страницы Ляочжая, чтобы вернуться в реальность, он одновременно отбивался от настойчивых и недвусмысленных ухаживаний одержимого любовью демона.

— Я не только парень, я ещё и призрак! — Тао Шаньцзэ, хрупкий и нежный, готовый сломаться от любого движения, горько плакал, сталкиваясь с попытками взять его силой, со слезами на глазах и судорогами в ногах.

Однако...

С большими трудами выбравшись из того мира, он обнаружил, что этот тип увязался за ним и поселился у него дома. Тот самый свирепый зверь, что в Ляочжай каждый день грозился его сожрать, завязал на его выступающем кадыке шёлковый платок от Hermès и попутно приподнял его высоко в воздух своим пушистым хвостом:

— Так позволишь мне пойти спать в гостиную или нет?

Избежать этого было невозможно, и Тао Шаньцзэ решил испытать всё на собственном опыте, устроив битву между настоящими мужчинами.

Примечание: Бай Цзэ — Древний божественный зверь, похожий на рогатого льва. Содержание «Ляочжая» изменено и представляет собой сборную солянку из историй, а не буквальный первоисточник.

Основная идея: Судьба в конце концов расцветёт и заблагоухает в Море Беспредельного.

Контент всё ещё обрабатывается, пожалуйста, подождите немного и попробуйте снова.

Метель не прекращалась, небо было пасмурным, а тёмные тучи затянули солнце наполовину.

Толпа людей с мотыгами столпилась вокруг могильной плиты, укрытой толстым слоем снега:

— Староста, неужели и впрямь копать будем?

Ли Хуа, перешагнувший через пятилетний рубеж, исхудавший с лица, бросил косой взгляд, словно не имея сил смотреть дальше, и, жестоко сплюнув, приказал:

— Копать.

Рядом с ним стоял даос в белых одеждах. Сложив пальцы в заклинание Тяньган и бормоча себе под нос проклятия, он взмахивал метелкой-фурэнэем, и на мгновение в его ладони мелькнул красный свет, но тут же исчез.

Слуги схватили кирки и мотыги и принялись раскапывать недавно насыпанный свежий могильный холм. Стояли лютые холода, могил в горах было больше, чем живых людей, отчего становилось ещё жутче. От дыхания воздух мгновенно превращался в лед. Сделав по глотку крепкого вина из фляги, мужчины продолжили копать, снимая промерзшую землю слой за слоем, пока наконец не показался синева-бурий гроб.

У Ли Хуа мелко дрожали даже морщины на лице:

— Отодвиньте крышку, взглянем.

Крышку гроба сдвинули. Сначала показалась аккуратно надетая, но уже окоченевшая одежда, а затем — синева-фиолетовое лицо с плотно сомкнутыми веками и нефритом во рту.

Покойник был совсем молод, от силы семнадцать-восемь лет. Хотя в нём уже не было жизни, можно было представить, каким красавчиком он был при жизни; его появление несколько развеяло ужас перед мертвецом.

Стопы юноши были стянуты пеньковой веревкой — это называлось путами для ног, на груди лежало зеркало, а под зеркалом — книга календаря. Всё это делалось явно для того, чтобы предотвратить превращение покойника в лютого зомби.

В небе прогремел гром, и яркая вспышка озарила горную вершину мертвенно-белым светом. Ледяной ветер вперемешку со снежной крупой забирался людям за воротники.

— Хозяин... — дрожащим голосом произнес слуга. — Забираем его домой?

Небо темнело всё сильнее — в горах темнеет рано. Даос кивнул. Все они прекрасно понимали: горные демоны-шаньсяо ждать не будут, и если не принять решение прямо сейчас, то, как только те появятся, всё будет кончено.

Ли Хуа бросил взгляд на даоса и принял окончательное решение. Даос сложил руки в знаке призыва духов и легко зазвенел колокольчиком. Толпа мужчин взвалила гроб на плечи и двинулась с горы, а снег сыпался и сыпался им на плечи.

Он падал хлопьями со всего неба, напоминая разбросанные бумажные деньги для мертвецов.

2020 год, канун Нового года.

Тао Шаньцзэ пешком отправился на Таймс-сквер, захватив с собой своего кота Туаньцзы, в предвкушении наступления 2020 года. Нынешний Новый год выдался особенным: год был не только симметричным, но и круглым. С наступлением темноты на Таймс-сквер уже яблоку негде было упасть.

Его диагноз — рак желудка в терминальной стадии — подтвердился ровно месяц назад. За этот месяц он обошел множество больниц, и практика показала: нельзя халатно относиться к собственному телу. Теперь же он был совершенно беспомощен, к тому же болезнь зашла слишком далеко. Обычные лекарства уже не помогали, операция была смертельно опасна, и врачи советовали лишь паллиативное лечение — отправить его домой отлеживаться и тихо ждать неизбежного конца.

Рак желудка в терминальной стадии потянул за собой отказ других систем организма. Долгое время он не мог ни спать, ни есть, каждую ночь прижимая к себе Туаньцзы и глядя, как

светлеет небо на горизонте. Единственным, к чему он был привязан в этом мире, оставался этот кот.

Если бы можно было желать большего, он хотел бы испытать настоящую любовь.

Впрочем, судя по всему, этому было не суждено сбыться. У него и в здоровые-то дни ничего не было, а уж теперь, когда тело разрушено, кто на него позарится?

До боя курантов оставалось меньше пятнадцати минут: вокруг вовсю фотографировали, продавали воздушные шары. Он как раз собирался подойти к лотку с мелочью, как его окликнул чей-то голос:

— Красавчик, заполни опросник, а?

Обычно он всегда игнорировал подобное, но стоило ему повернуться и попытаться отмахнуться, как он замер. Эта длинноногая, тонкая в талии красавица с распущенными длинными черными волосами излучала ледяную прохладу. Отказать ей язык не повернулся, и он, словно под гипнозом, произнес:

— Ладно, а что за опрос?

— Вопросы касаются «Станных историй из кабинета неудачника», а еще в подарок можно получить книгу — её случайным образом отправят вам по почте.

Ночь была туманной, толпа — шумной, а девушка — невероятно, неземной красоты. Она улыбалась сияющей улыбкой, и во взгляде её читалось столько нежности, что Тао Шаньцзэ предпочёл отвести глаза, поставил галочки в нужных графах и в строке имени написал «Шаньцзэ», а в графе адреса — свой район.

— А имя-то неправильное? — её изящный пальчик указал на начало анкеты, и она невинно хлопнула своими огромными глазищами.

— Простите, я ношу фамилию Шань.

Туаньцзы у него за спиной принялся неистово скрести стенки переноски и издавать пронзительные кошачьи вопли. Тао Шаньцзэ тихонько качнул спиной, успокаивая питомца:

— Папа скоро вернется домой, не спеши.

— И адрес тоже неверный? — продолжала допытываться девушка.

Тао Шаньцзэ больше не хотел с ней возиться. Видя, что у озера на Таймс-сквер вот-вот начнут отпускать в небо воздушные шары, он спешил занять местечко с лучшим видом, чтобы в его жизни не осталось сожалений:

— Извините, на этом всё.

— Ладно, тогда до встречи, если суждено.

Красавица улыбнулась ему, превратив глаза в два полумесяца, а в её зрачках словно раздвоились и слились воедино два зрачка. Голос её звучал слаще кошачьего мяуканья, и, когда он уже отошел далеко, она прошептала:

— Наконец-то я дождался тебя.

Цзинь-линь-линь...

Тао Шаньцзэ остановился. Он услышал звон колокольчиков, который тут же заглушил оглушительный хлопок: на Таймс-сквер в небо взмыли десятки тысяч воздушных шаров. Ночное небо скрылось за ними, а люди закричали:

— Один! Наступил 2020 год!

Толпа предалась всеобщему безумию, а сидевший за спиной кот продолжал царапаться.

Сегодня кот вёл себя странно с самого момента их появления на Таймс-сквер. Тао Шаньцзэ невольно подумал о том, что мир, видимый кошачьими глазами, отличается от человеческого — животные способны замечать множество потусторонних явлений. Впрочем, всё это существовало лишь на страницах романов, тогда как в реальном мире изо дня в день шло унылое повторение одного и того же.

Он загадал желание глядя на ночное небо нового года: чтобы время шло чуть медленнее, чтобы у него осталось еще немного жизни на этом свете, а если... если он не дотянет, пусть для его кота найдутся хорошие руки.

Шары кружились в воздухе, растворяясь в вышине, толпа ликовала и кричала «ура», но всё это не имело к нему никакого отношения — неизвестно, сможет ли он еще хоть раз в этой жизни испытать такую радость.

Из-за празднования Нового года станцию метро закрыли, и он побрел домой тем же путем, каким пришел. В сердце почему-то вновь всплыла та анкета, которую его заставила заполнить незнакомка. Он подумал о том, как герои «Ляочжая» смотрели на жизнь и смерть: возможно, жизнь — это и есть смерть, а смерть — это жизнь, их переплетение, и там, должно быть, существовали и ад, и небесные сферы. В современном мире многое пытались объяснить с точки зрения науки, но в этот миг он предпочел бы верить, что действительно существует способ продолжать жить — неважно, с помощью души или плоти.

Он запрокинул голову и уставился на звезды. Нынче ночное небо было необычайно густым и глубоким. Засмотревшись на луну, он на секунду почувствовал, что её очертания чем-то напоминают кисть для письма: нижняя часть полумесяца казалась округлой, а затем резко сужалась. Он протер глаза, и его охватило сильное беспокойство: он вовсе не ошибся, это действительно была каллиграфическая кисть.

Эта кисть начала медленно падать с ночного неба, на глазах становясь всё более блеклой.

В то же самое время обсерватория выпустила официальное заявление: наблюдается редчайшее астрономическое явление — парад четырёх планет, гражданам не стоит паниковать, продлится оно недолго.

Но в следующую же секунду окружающий пейзаж закружился и наложился сам на себя. Прежний звон колокольчиков зазвучал громче, сжав его голову тисками заклинания. Смешение звона и непонятных мантр погрузило разум в густой туман.

А-а-а!

Тао Шаньцзэ завопил, выплевывая струю горячей воды. Куда только делась Таймс-сквер — перед глазами предстал седовласый старик в китайском ханьфу, а позади виднелись деревянные оконные переплёты, восьмиугольный стол и резные стулья.

— Чжуэр, моя Чжуэр... — Ли Хуа залился горькими слезами и заключил Тао Шаньцзэ в объятия.

— Что вы делаете? — повинувшись инстинктам, хриплым голосом спросил Тао Шаньцзэ.

Стоявшая позади женщина в зелёном платье подошла и утерла слёзы:

— Чжуэр, я твоя мама, а это твой отец.

Сознание Тао Шаньцзэ затуманилось, конечности налились свинцом. Всё тело ныло так, будто из него выпили всю кровь, оно горело в поту:

— Почему в комнате так много народу?

Ли Хуа замер, переглянувшись с женой, в их глазах читался первобытный ужас.

Тао Шаньцзэ потер виски, в голове царил полный кавардак. Спустившись с кровати, он обратился к кому-то стоявшему рядом:

— Чего вы здесь стоите?

Только сорвались эти слова с языка, как Ли Хуа стремглав бросился к нему:

— Сынок, в комнате ведь только я и твоя матушка!

Тао Шаньцзэ бросил взгляд на того человека: тусклый свет пятнами ложился на него, пока фигура не начала таять в пылинках воздуха и полностью исчезла. И тут его поразило странное открытие: тело больше не болело привычным образом, мучительные боли от рака желудка чудом испарились.

Неужели... это перерождение?

Когда все вышли, он вытащил руку, которую всё это время держал спрятанной под одеялом. В ладони он сжимал кисть. Корпус кисти имел грани, кончик был острым и с отверстиями, а белоснежное, излучающее мягкий блеск древко явно было сделано из нефрита. Ворс на конце напоминал шерсть хаски, а размером она была не больше указательного пальца.

До чего же жутко. Он помнил, что в том мире перед самым исчезновением видел в небе луну в форме кисти. Неужели луна упала прямо ему в руку?

Хотя он понятия не имел, для чего нужна эта кисть, он всё же аккуратно пропустил красную нить через отверстие и повесил её себе на шею. Обстановка здесь была ему незнакома, эпоха не определена, личность тоже оставалась загадкой — оставалось лишь двигаться дальше шаг за шагом.

Чайная на углу улицы.

— Эй, слышали? У Ли Хуа сын-дурачок вернулся, — хозяин чайной лузгал семечки, переговариваясь с клиентами.

— Разве он не умер? Я же собственными глазами видел, как его хоронили!

— Вот тут-то вы многого не знаете. На днях явился хромой даос и заявил, будто Ли Чжуэр

вовсе не мертв и через три дня обязательно воскреснет. Воспользовавшись снегопадом, они поднялись в горы, раскопали могилу, а когда вернулись, напоили тело горячей водой — и гляди-ка, ожил!

Хозяин чайной налил пиалу чаю, но, заметив краем глаза нечто странное, выронил чайник из рук — кипятик ошпарил ему всю ладонь, но он даже не попытался стряхнуть боль.

По улице брёл молодой человек в белых одеждах. Не растаявший на земле снег казался грязным по сравнению с белизной его кожи. Глаза юноши излучали искренность, не было и следа бывшего слабоумия, хотя походка шаталась — вид у него был как у человека, только что оправившегося от тяжелой болезни.

На пути Тао Шаньцзэ встретил немало изумленных взглядов. Он принимал их все без возражения, хотя сам был поражен до глубины души. Если память ему не изменяла, секунду назад он находился на Таймс-сквер — как он в следующее мгновение очутился в этой древней кинодекорации? Впрочем, всё выглядело пугающе реально, и здесь не было ни малейшего признака современности.

— Чжуэр, дурачок!

Тао Шаньцзэ опустил голову и увидел маленького мальчика с традиционными детскими хвостиками, который швырнул в него камнем и захихикал.

Он присел на корточки и подобрал камень:

— Малыш, бросаться камнями нехорошо. А вдруг в кого-нибудь попадешь?

Мальчишка скривил рот, зажмурился и залился горькими слезами. Вокруг сбеглись зеваки:

— Ли Чжуэр, ты и впрямь больше не дурак?

— И правда Ли Чжуэр!

Один из зевак, посмелее, ткнул его пальцем в руку и с испуганным криком отпрыгнул. Толпа бросилась врассыпную, вопли огласили улицу — люди выглядели так, будто увидели призрака.

Чанчжоу был маленьким городком, и на каждой улице все друг друга знали. Его появление и впрямь привлекло всеобщее внимание.

Пообщавшись с местными, он в общих чертах восстановил картину произошедшего. Незадолго до этого в городке объявился злой монах, который утверждал, что Ли Чжуэр обречен на смерть, и потребовал у Ли Хуа сто лянов серебра. Отец семейства ответил категорическим отказом, и в тот же вечер Ли Чжуэр внезапно скончался.

Тогда отец подал на фальшивого монаха жалобу в уездный суд. К счастью, тамошний неподкупный судья сам обладал духовной силой и тут же приказал предать слепого шарлатана суду, забив до смерти палками.

Мало того, вскоре объявился еще один даос, заявивший, что с помощью обряда призыва духов можно извлечь тело, пролежавшее под землей целых семь дней, и вернуть его к жизни. При этом его сын не только избавится от слабоумия, но и обретет блестящее будущее.

Отец ухватился за это предложение как утопающий за соломинку и, невзирая на стужу, сквозь

буран поднялся на гору за телом собственного сына. И действительно, благодаря действиям даоса, парню удалось успешно воскреснуть.

Душа человека из XXI века отлично прижилась в теле древнего китайца, подарив ему чудесную отсрочку от смерти.

Но теперь главной проблемой стали его собственные глаза: мир вокруг виделся ему куда масштабнее прежнего, сквозь оболочку каждого человека он теперь мог разглядеть его душу.

Он припомнил, что в их деревне подобное явление называлось глазами инь-ян.

Хотя небо обещало быть ясным, внезапно повалил мелкий снег. Прохожие на улице сохраняли невозмутимый вид — никто из них не замечал двоих идущих рядом людей. Один был облачен в белые одежды, другой — в черные. Они прогуливались так непринужденно, словно заглянули на базар. Если не обращать внимания на несомый в руках погребальный транспарент и излишне бледные лица, любого из них можно было принять за обычного прохожего.

Тем не менее снег не задерживался на их одежде, превращаясь лишь в безмолвный фон, сквозь который они шагали по земле.

Тао Шаньцзэ замер. Видя, как они приближаются, он задержал дыхание и с напускным спокойствием уставился на витрину придорожной лавки, делая вид, будто ничего не замечает. Однако их голоса отчетливо долетали до его слуха:

— Кажется, здесь пахнет душой. Чувствуешь?

— Черт знает что ты мелешь! Если бы это была человеческая душа, её бы давно уже утащили, разве стала бы она так беспечно расхаживать по мирскому базару?

— Может, и так, но этот запах становится всё сильнее...

Метель сгущалась, прохожие спешили укрыться от непогоды, и в мгновение ока некогда оживленная улица опустела. Ноги Тао Шаньцзэ словно окаменели — он не мог сдвинуться с места. В области груди, ближе к сердцу, возникло странное ощущение притяжения. Сила эта нарастала с каждой секундой, и он, мучимый болью, в отчаянии прижал руки к груди, не зная, как унять это чувство.

А те двое неумолимо приближались. Сердце Тао Шаньцзэ подскочило к самому горлу. Если верить преданиям, перед ним находились те самые Черный и Белый Неотвратимые Духи — стражи, что являлись за душами грешников. По логике вещей, душа современного человека не должна была страшиться подобных баек, но сейчас сработал принцип лучше перебдеть, чем недобреть. Лица Неотвратимых под пеленой падающего снега казались мертвенно-бледными; при всей своей пугающей стати они выглядели жутко.

— Вот ты где! — в глазах Черного Учана вспыхнул огонек, и белый погребальный транспарент у него за спиной мгновенно удлинился, вытянув длинную руку прямо к Тао Шаньцзэ.

Страх, паника, полная невозможность пошевелиться.

Но в следующее мгновение транспарент в воздухе резко изменил траекторию и вонзился куда-то ему за спину. Оказалось, что за прилавком, на который опирался Тао Шаньцзэ, лежал еще

один человек — какой-то бродяга. Этот нищий привык спать прямо на улице и понятия не имел о приближающейся опасности, как вдруг из его тела силой вырвали душу.

Транспарент покрылся острыми когтями, вспоров душу несчастного вдоль и поперек, после чего втянул её внутрь себя.

Черный Учан приняхался к содержимому ткани и покачал головой:

— Опять мимо, не тот запах.

Белый Учан усмехнулся:

— С тех пор как у тебя отшибло нюх, ты стал выгребать со двора всякую падаль.

Черный сплюнул, заново собирая ци, и широко распахнул глаза. На этот раз он уставился прямо на Тао Шаньцзэ.

Он молниеносно шагнул к Тао Шаньцзэ и сгреб его за воротник, подтащив к самому носу:

— Я-то думаю, что за запах такой странный — не живая душа, а земная. Этот сосуд сменил хозяина, разве может чужая душа захватить его так просто? Пошли-ка со мной в подземные чертоги.

При столь близком контакте первой реакцией Тао Шаньцзэ стал испуганный вскрик. Он сжал кулаки, готовясь к худшему, но происходящее вновь превзошло все его ожидания: невидимая сила устремилась вверх по его макушке, вызывая удушье. Он почувствовал, как глаза заволакивает пеленой, а из зрачков поднимается леденящий холод.

Придя в себя, он обнаружил, что заперт в каменной тюрьме со всех четырех сторон. Всё тело было так, будто по нему прошли жерновами. Попытавшись коснуться прутьев решетки, он тут же отдернул руку — стоило пальцам соприкоснуться с металлом, как прутья изогнулись, превратившись в языки пламени, и его рука вспыхнула.

— А-а! — заорал Тао Шаньцзэ от пронзительной боли, решив, что на сей раз ему точно конец.

— Чего вопишь... — раздался за спиной ленивый голос. — Хватит пугать самого себя на пустом месте.

Обернувшись, Тао Шаньцзэ увидел, что в камере находился кто-то еще. Этот человек сидел по-турецки на топчане, опустив распущенные длинные волосы — вылитая Садако. Подняв голову, он остался неразличим в полумраке.

— Хочешь вернуться — сиди тихо, — зевнув, добавил мужчина. — Я не ел уже несколько дней, так что если не будешь вести себя смирно, я тебя сожру.

Собрав волосы в узел, незнакомец внезапно оказался прямо у него перед лицом и зарылся носом ему в шею, шумно втянув воздух:

— От тебя странно пахнет... Редко встретишь такую свежую, нежную душу. Так и хочется проглотить целиком.

С этими словами он облизал клыки, явно проявляя к нему гастрономический интерес.

Тао Шаньцзэ вжался в стену, пытаясь отступить, но не в силах совладать с руками своего тюремщика. Его раскаленные глаза нависли над зрачками юноши:

— Если хочешь выбраться, сиди смирно и не дергайся.

Тао Шаньцзэ судорожно кивнул, хотя в его глазах на миг мелькнула хитрая искорка:

— А... а меня можно не есть?

Мужчина только было усмехнулся, как в ту же секунду ему в лицо прилетел тяжелый удар. К счастью, он успел увернуться в последний момент, и кулак прошел по касательной, однако кончик носа у него мгновенно покраснел, и оттуда закапала кровь.

Нападавший на этом не успокоился. Даже с непослушными ногами он крепко сжал кулаки, и его налитые кровью глаза свирепо уставились на собеседника:

— Меня тоже не смей лапать кому попало!

Мужчина усмехнулся, подхватил солому, на которой сидел, и с размаху швырнул парня прямо на раскаленные прутья тюремной решетки. Пламя взметнулось вверх, и жадные огненные языки принялись лизать и жечь волосы Тао Шаньцзэ.

Превозмогая боль, упершись локтями в земной пол, стиснув зубы до хруста, Тао Шаньцзэ сам бросился вперед, боднув обидчика головой, и в ту же секунду вцепился ему в горло:

— Ах ты...

Не успел он закончить фразу, как рот ему залило густой морской водой. Окружающее пространство заполнялось пугающей влагой, лишая его чувств одно за другим. Он снова начал задыхаться, теряя счет времени.

— Проснулся? Ты же до смерти маму испугал!

Тао Шаньцзэ распахнул глаза. Контроль над телом вернулся, и перед ним вновь предстали привычные виды мира живых.

— Я что, вернулся?

В памяти четко стояла та четырехсторонняя тюрьма, залитая морской водой, сомкнувшиеся решетки и поднимающийся уровень воды, от которого он задыхался.

— Сынок, что ты за бред несешь? Я тут подумала: без служанки в доме всё равно не обойтись. Я волнуюсь, когда ты один выходишь на улицу, поэтому я купила тебе служанку — пусть прислуживает.

С этими словами красивая молодая девушка опустилась перед ним в глубоком поклоне, почтительно назвав его господином.

— А-а! — снова завопил Тао Шаньцзэ.

Внутри этого женского тела он отчетливо разглядел две души: одна пребывала в забвении, а вторая, заняв её лицо, безмятежно улыбалась и разговаривала с ним.

<http://bllate.org/book/22407/2352254>